
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА И СУБЪЕКТИВНОСТЬ: ОБ ОДНОЙ МОНОГРАФИИ И ДВУХ РЕЦЕНЗИЯХ

Елена Избицер

*С помощью шелка ищут удачи
не только в земных, но и в
«небесных» делах...*

А.А. Иерусалимская
(Иерусалимская 1992, 3)

Книга Анны Александровны Иерусалимской «Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути» (Иерусалимская 2012) получила в печати отзывы специалистов, диаметрально различающиеся в оценке научной значимости представленной работы. Первой на публикацию откликнулась З.В. Доде, указав на ряд фактических ошибок и недоработок как автора книги, так и редакторов издательства. Количество выявленных З.В. Доде недочетов и ошибок позволяет отнести её рецензию скорее к разряду отрицательных (Доде 2013). Другой, исключительно положительный характер имеет появившийся позднее отзыв В.Б. Ковалевской и М.Н. Погребовой. В нем рецензенты старательно перечислили достижения автора и подчеркнули непреходящую научную ценность монографии. В их тексте не нашлось места ни для уточнений (за исключением указания нескольких случаев неверно переданной транскрипции), ни для критики, ни для разбора дискуссионных вопросов (Ковалевская, Погребова 2014). Мнения рецензентов разошлись и в возможном влиянии монографии на молодого читателя. В.Б. Ковалевская и М.Н. Погребова полагают, что «знакомство с книгой А.А. Иерусалимской поможет не одному молодому человеку выбрать профессию» (Ковалевская, Погребова 2014, 173). По мнению же З.В. Доде, непозволительная небрежность в работе со справочным аппаратом – плохой пример для студентов (Доде 2013, 651). Такое полярное восприятие работы побудили меня обратиться непосредственно к

книге А.А. Иерусалимской. Интерес был вызван еще и тем, что в свое время мне удалось и побывать на Мощевой балке, и видеть находки из этого уникального могильника, полученные в результате работ Лабинского отряда Северокавказской экспедиции.

Знакомство с монографией началось с неудач. Прочитав, что предметом исследования явились «поселение и могильник Мощевая Балка» (с. 29), я решила посмотреть материал поселения. Но оказалось, что поселение полностью разрушено корчеванием, и лишь «могло бы» составить отдельную тему (с. 24). Фраза: «<...> как писал в своем переводе “Путешествия Вильгельма де Рубрука” поэт Н.А. Заболоцкий» (с. 357) – удивила и заставила искать этот неизвестный мне перевод (библиографическая сноска на него не дана). Однако надежды на прочтение стихотворного варианта «Путешествия» Вильгельма де Рубрука, упомянутого А.А. Иерусалимской, не оправдались. Вопреки утверждению автора, приведенная ею цитата¹ взята не из перевода сочинения Рубрука, а из поэмы Н.А. Заболоцкого «Рубрук в Монголии». В разделе же «Библиография» ни Н.А. Заболоцкий, ни его поэма

---

¹ Рассуждая о привозном реликварии, от которого сохранилась крышка, использовавшаяся местным населением, по предположению А.А. Иерусалимской, то ли в качестве украшения, то ли в качестве навершия рукояти, автор пишет: «Комментарии излишни: как писал в своем переводе «Путешествия Вильгельма де Рубрука» поэт Н.А. Заболоцкий: «Здесь пели две клавиатуры на двух различных языках...» (с. 357).

не упомянуты, а сочинение Рубрука указано в переводе А.И. Маленина, в то время как переводчиком был А.И. Малеин (с. 376).

Эти, на первый взгляд, мелкие ошибки заставили меня обратить более пристальное внимание на редактуру текста и систему цитирования. В результате приходится согласиться с автором критической рецензии З.В. Доде: книга изобилует непозволительным для научного издания (а именно так представлена монография) количеством ошибок, неточностей и странных ссылок. Текст наполнен нелепо построенными фразами (например: «Любопытно, что именно лещине у адыгских народов приписывалась до недавнего времени способность лечить всевозможные (особенно детские) болезни, включая женское бесплодие» – с. 62) и оборотами, озадачивающими читателя (такими, как: «<...> вся одежда детей (включая, естественно, и обувь) воспроизводила костюм взрослых, кукольная же, скорее всего, имитировала детскую, хотя могла иметь в виду и исходный – взрослый – прототип» – с. 231). Китайские статуэтки эпохи Тан с европеоидными чертами лица напрямую отождествляются с жителями Северного Кавказа (с. 360), а известный антрополог В.П. Алексеев почему-то назван крупнейшим палеонтологом (с. 13).

Все эти ляпсусы и недочеты можно было бы объяснить простой небрежностью², если бы они не вписывались в общую направленность работы, в основе которой лежит слабое знание источников и пренебрежение фактами, в сочетании со стремлением показать, в первую очередь, роль и достижения автора монографии в изучении памятника. Такая установка отразилась и на изложении материала, и на методах работы, и на ее результатах.

Читателю не единожды настойчиво сообщают что: а) материалы, привезенные из Моцовой балки в Санкт-Петербург в начале XX века, первоначально были отнесены к XVIII в.; б) ошибочная датировка стала причиной того, что местом хранения находок были выбраны этнографические музеи; в) именно из-за датировки и первоначальных мест хранения материалов памятник выпал из внимания специ-

алистов почти на полстолетия; г) реальный «археологический» возраст был определен автором данной монографии благодаря изучению шелковых тканей. Все эти положения повторены и в рецензии В.Б. Ковалевской и М.Н. Погребовой (Ковалевская, Погребова 2014). Начиная с первой главы – «История коллекции Эрмитажа и изучения памятника», А.А. Иерусалимская неоднократно подчеркивает свои достижения в атрибуции и изучении памятника, но делает это за счет преуменьшения или искажения роли предшественников и коллег.

История изучения Моцовой балки представлена в монографии следующим образом: в 1901 г. Н.И. Веселовский подрядил мальчишек для сбора вещей на Моцовой балке. Привезя находки в Петербург, он отдал их в Этнографический отдел Русского музея, поскольку датировал их, вследствие хорошей сохранности, примерно XVIII веком. Позднее («есть некоторые основания относить это событие к 1905 г.» – с. 17) Моцовую балку посетил Н.И. Воробьев – археолог-любитель, по определению А.А. Иерусалимской; он также «не узнал в своих находках археологических объектов и, опять-таки, сочтя их поздним, «этнографическим», материалом, передал их – но уже в другой этнографический музей: в Петровскую Кунсткамеру» (с. 17-18). Ни Н.И. Веселовский, ни Н.И. Воробьев никаких документальных отчетов о своих поездках на Моцовую балку не оставили: «Веселовский настолько не заинтересовался этим мелким эпизодом в своей блестящей археологической карьере, что не счел нужным представить отчет в Археологическую комиссию» (с. 17); Н.И. Воробьев «не оставил никакой документации относительно своих работ» (с. 18). В 1935 г., при подготовке выставки к конгрессу по иранскому искусству, И.А. Орбели «сумел заметить в фондах МАЭ какие-то интересные образцы шелков из всемирно забытой Моцовой балки, и по его инициативе все материалы коллекции Н.И. Воробьева были переданы в 1935 г. в Отдел Востока Эрмитажа» (с. 19), а в 1951 г. туда же поступила коллекция Н.И. Веселовского. Примерно в это же время могильник отыскал А.А. Иессен, одновременно уточнив его местонахождение, т. к. «на археологической карте Северного Кавказа, составленной в начале

² Вопрос о допустимости или недопустимости «простой небрежности» в научном исследовании – особая тема.

XX в. Е.Д. Фелициным, его местонахождение было отмечено совершенно неверно» (с. 19). В начале 1960-х годов А.А. Иерусалимская, приняв в свое хранение северокавказские средневековые коллекции, определила «археологический возраст» вещей и, главное, шелков из «всеми забытой» Мощевой балки (с. 19).

Такое изложение событий и их оценка озадачивают – обращение к фактам дает совсем иную картину. Скальный могильник Мощевая балка стал известен ученым благодаря Е.Д. Фелицыну в конце XIX века. На составленной им «Археологической карте Кубанской области» четко обозначена дата – 1882 год (Фелицын 1882). Именно по карте Е.Д. Фелицына местоположение могильника, отмеченного значком «Погребальные пещеры», определяли в начале XX века и Н.И. Веселовский, и Н.И. Воробьев. В 1950-е годы его без труда нашли А.А. Иессен и Н.В. Анфимов, хотя А.А. Иессен в ходе поездки и уточнил место могильника согласно современной карте (Иессен 1950, 14). Возникает вопрос: видела ли А.А. Иерусалимская «Археологическую карту» Е.Д. Фелицына, если ошибочны приведенные ею и дата составления (начало XX в.), и территориальный охват (Северный Кавказ) карты?

Замечания автора об отсутствии отчетов по поездке на Мощевую балку относительно Н.И. Веселовского – некорректно, а относительно Н.И. Воробьева – просто неверно. Не зная, каким образом и когда Н.И. Веселовский получил в свое распоряжение вещи из Мощевой балки, вряд ли можно его упрекать в отсутствии отчета для Археологической Комиссии. В монографии А.А. Иерусалимская пишет, что Н.И. Веселовский побывал на Мощевой балке в 1901 г., но, «учитывая физические и, возможно, некоторые психологические особенности»³, раскопок не вел (с. 19). Однако в своей ранней статье она приводит другие данные, предполагая, что Н.И. Веселовский

³ Какие конкретно особенности имеются в виду – не указано. Если о физических особенностях еще можно было бы догадаться, взглянув на фотографии Н.И. Веселовского тех лет, то о психологических хотелось бы узнать подробнее. А.Д. Столяр рассказывал на своих лекциях о пристрастии Н.И. Веселовского к кубанскому вишневному варенью. Не любовь же к варенью помешала Н.И. Веселовскому подняться на Мощевую балку, если он действительно интересовался этим памятником и находился где-то поблизости.

побывал на могильнике в 1900-1901 гг., правда, тут же поясняя, что «достоверно известно лишь, что раскопки производились до 1912 г.» (Иерусалимская 1961, 41)⁴. На каком основании был выбран именно 1901 г. – непонятно. Отсутствие официального отчета Н.И. Веселовского по посещению им Мощевой балки указывает, скорее всего, на то, что вещи попали к нему по случаю.

Так же, не зная обстоятельств передачи предметов в Этнографический отдел Русского Музея и не видя записей в музейных документах, нет оснований приписывать Н.И. Веселовскому ту или иную датировку могильника, как это делает А.А. Иерусалимская (с. 17). С большой долей уверенности можно говорить, что такая информация содержится в архивных документах Российского этнографического музея; факт существования таких документов следует и из текста А.А. Иерусалимской, указавшей год регистрации коллекции и фамилию сотрудника, проводившего эту регистрацию (с. 17). При этом не приведены ни сами документы, ни ссылки на архивные дела. И опять возникает вопрос, как и с картой Е.Д. Фелицына: видела ли А.А. Иерусалимская эти документы или использовала вербальные источники?

Тот факт, что находки из Мощевой балки были переданы Н.И. Веселовским в Этнографический отдел Русского музея, никоим образом не является аргументом в пользу пренебрежительного к ним отношения со стороны ученого. В археологическую коллекцию Этнографического отдела музея после его создания (а до этого – в сам Русский музей Императора Александра III) время от времени поступали вещи исторического периода из Императорской Археологической Комиссии, включая и найденные при раскопках (см. таблицы распределения вещей из раскопок и случайных находок в опубликованных отчетах Комиссии).

Н.И. Воробьев, в свою очередь, не мог не оставить отчет – его поездка на Мощевую балку была служебной командировкой. Вся информация, приведенная в монографии А.А. Иерусалимской о Н.И. Воробьеве и его деятельности, связанной с Мощевой балкой (с. 17-19), свидетельствуют о незнании ею биографии

⁴ Поскольку А.А. Иерусалимская постоянно ссылается на свои ранее опубликованные работы, с несколькими из них пришлось ознакомиться.

этого исследователя ни до его работы в Музее антропологии и этнографии (МАЭ), ни в бытность его сотрудником музея. Вероятно, этим объясняется представление А.А. Иерусалимской о Н.И. Воробьеве как о любителе. Н.И. Воробьев же, получив юридическое образование в Казанском университете и переехав в Санкт-Петербург, в 1897 г. подал прошение о зачислении его в действительные слушатели С.-Петербургского Археологического Института (Мазурина 2002, 143). Через два года, в 1899 г., как успешно окончившему курс ему было присвоено звание действительного члена Института (Яковлев 1911, 44). Поэтому писать о нем как о любителе едва ли правомерно.

На чем основано предположение А.А. Иерусалимской о посещении Н.И. Воробьевым Мошковой балки в 1905 г. – неизвестно. Зато точно известно, что в 1904-1905 гг. он был участником Русско-японской войны, а затем, по поручению Министерства внутренних дел, отправился в поездку по странам Востока, завершившуюся в начале осени 1906 г. Во время этой поездки Н.И. Воробьев по заданию директора МАЭ В.В. Радлова собрал также значительную коллекцию вещей для музея (Мазурина 2002, 143-144). Очевидно, успешное выполнение этого поручения, высоко оцененное за «подробное и тщательное описание» и рекомендованное другим собирателям как образец для подражания (Ольденбург 1911, i-ii), и привело к тому, что Н.И. Воробьев стал сотрудником МАЭ. С осени 1906 года он, состоя при Министерстве Просвещения, был прикомандирован к МАЭ (Отчет 1907, 1)⁵, и его экспедиция на Мошковую балку в следующем, 1907 г. была официальной (Отчет 1908, 7, 16). Поэтому он не мог не оставить письменного рапорта о своей командировке. В отчетах о деятельности музея за 1907-1909 гг. содержатся точные сведения о раскопках и сборах Н.И. Воробьева на Мошковой балке. Из текстов отчетов явно следует, что в «археологическом» происхождении вещей из Мошковой балки в МАЭ никто не сомневался: «Н. И. Воробьев обследовал древнее кладбище в Мошковой балке Кубанской области; оно уж давно интересовало этнографов и археологов, а между

тем усиленно расхищалось местными жителями, причем находимые ими предметы, как неимевшие сбыта, бесследно уничтожались и погибали для науки. Н.И. Воробьеву удалось, тем не менее, найти три более или менее полных погребения и забрать то, что осталось брошенным хищниками на поверхности земли» (Отчет 1908, 16-17).

Не было ничего необычного (а тем более «печального», по оценке А.А. Иерусалимской) в том, что вещи, привезенные из Мошковой балки поехавшим по командировке от МАЭ Н.И. Воробьевым, попали в коллекцию этого же музея. Необычно другое – желание А.А. Иерусалимской убедить читателя в том, что МАЭ являлся и является исключительно этнографическим музеем. Трудно поверить, что археолог, окончивший исторический факультет Ленинградского университета, и музейный работник, всю свою профессиональную жизнь проведший в Ленинграде – Санкт-Петербурге, не знает о существовании в МАЭ Археологического отдела, где хранятся богатейшие коллекции, собранные за многие годы существования музея. Выделенный в самостоятельную единицу в 1894 г. (Нечаева и др. 1964, 152), отдел своими коллекциями призван был служить «своего рода введением к этнографической части экспозиции, демонстрируя посетителям доисторическую культуру человечества» (Тихонов 2014, 9). В Археологическом отделе и были зарегистрированы в 1907-1909 гг. «череп, материи и археол. предметы из раскопок в Мошковой балке Кубанской области от Н.И. Воробьева» (Отчет 1908, 10; Отчет 1910, 8).

Ни у Н.И. Воробьева, ни у сотрудников Отдела не было сомнений в древнем возрасте могильника. Уже в 1907 г. его датировали эпохой средневековья: «Есть основание предполагать, что археологический материал относится к XIII-XV вв., хотя более точное определение, как времени, так и народа – носителя этой культуры, – дело будущего» (Отчет 1908, 17). Это более точное определение было сделано сотрудниками Эрмитажа во главе с И.А. Орбели. В начале 1930-х годов музей готовил выставку к III Международному конгрессу иранского искусства и археологии. Открывшаяся в 1935 г. одновременно с конгрессом, выставка была высоко оценена западными специали-

⁵ За время своей почти пятилетней службы в МАЭ Н.И. Воробьев заведовал Галереей Петра Великого и возглавлял Русский отдел музея (Мазурина 2000: 144).

стами, отметившими не только ее масштабность и представленные на ней выдающиеся художественные и археологические коллекции, но и необычные для Запада концепцию и распределение вещей по залам. Новым для восприятия было размещение основной части выставки – не по отдельным типам или материалу, а по периодам, где соседствовали вещи одного времени, но из разных регионов (Rice 1936, 99-100). Ткани из Мощевой балки были размещены в витринах зала 225 вместе с сасанидскими и византийскими экспонатами (Каталог 1935, 215, 230, 232-233, 235-238, 251, 252, 254, 258). Такое соседство недвусмысленно указывает на датировку этих тканей устроителями выставки. Однако, отмечая заслугу И.А. Орбели в привлечении на выставку тканей из коллекции МАЭ, А.А. Иерусалимская не считает нужным даже сослаться на каталог выставки. Вероятно, такая странная «забывчивость» объясняется желанием поддержать придуманный ею миф: «<...> долгие годы их [материалов из Мощевой балки – Е.И.] древность подвергалась сомнению, и их продолжали считать «этнографическими» сборами и датировать XVIII в.» (с. 99).

К материалам «всеми забытой» Мощевой балки обращался в 1948 г. Г.Ф. Дебец, опубликовавший анализ черепов, привезенных Н.И. Воробьевым; со ссылкой на П.П. Ефименко он писал о Мощевой балке как о памятнике VI-VII вв. (Дебец 1948, 272). В 1956 г. фрагмент ткани со сценой жертвоприношения опубликовала Н. Митина, относившая его ко второй половине I тысячелетия (Митина 1956, 43). Этот же фрагмент упомянула К.В. Тревер в своей книге 1959 г., датируя его VII-VIII вв. (Тревер 1959, 155). Таким образом, ко времени начала работы А.А. Иерусалимской над собранным в Эрмитаже материалом из Мощевой балки возраст могильника и коллекций был уже обозначен и серьезных разногласий у специалистов не вызывал. Когда А.А. Иессен в 1950 г. во время своих разведок на Кубани поднимался на Мощевую балку, он шел осматривать памятник не XVIII века. В своем отчете он писал: «Направляясь по Большой Лабе вверх, мы за поселком Курджиново у устья Бескеса переправились на правый берег р. Б.Лабы. Примерно в 1 км выше моста и в 1 км не доходя до поселка Азиатского находит-

ся так называемая «Мощевая Балка», откуда происходит коллекция Эрмитажа, переданная в 1935 г. из Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР (бывший № колл. 1128). Коллекция эта происходит из хищнических раскопок и состоит главным образом из вещей ранне-средневекового возраста, в том числе значительного числа кусков ткани» (Иессен 1950, 14). Приводя в монографии рисунки из отчета А.А. Иессена (ил. 3) и не забыв упомянуть о топографической ошибке Е.Д. Фелицына, отмеченной в том же отчете, А.А. Иерусалимская умалчивает об определении А.А. Иессеном возраста могильника.

Не менее субъективно изложена и информация о работах на Мощевой балке Лабинского отряда Северокавказской экспедиции Института археологии под руководством Е.И. Савченко/И.С. Каменецкого. Отметив, что «глобальные вопросы, связанные с Мощевой Балкой, были, в сущности, уже решены задолго до этих работ» и «кардинально нового в решение основных проблем исследования Лабинского отряда не внесли» (с. 26), А.А. Иерусалимская снисходительно признает, что работы все же «не оказались напрасными и нельзя отрицать их несомненный вклад в изучение памятника. Впервые был снят генеральный топографический план могильника, сделаны некоторые интересные стратиграфические наблюдения, получены дополнительные данные об отдельных погребальных комплексах» (с. 26). То есть «не оказались напрасными» самые трудоемкие работы по полному археологическому обследованию памятника, когда была изучена вся территория могильника, исследовано 568 захоронений (из которых 36 сохранились полностью или частично, с отдельными костями *in situ* и инвентарем), установлена последовательность сооружения могильника и стратиграфическая колонка для почти половины могил, выявлено три типа захоронений (Савченко 1999, 127-128). Несмотря на то, что Е.И. Савченко в своей статье подробно описал примененную экспедицией методику работ – «раскопки широкими площадями, полное удаление грабительских отвалов, тщательная зачистка погребальных сооружений изнутри и снаружи, а также подробная графическая и фотографическая фиксация исследований» (Савченко 1999, 127),

Рис. 1. Фрагменты ткани из Мощевой Балки на фоне «кельнского образца в цветной таблице Ю. Лессинга» по А. А. Иерусалимской (Иерусалимская 2012, 122, ил. 57).

Рис. 2. Фрагмент шелка из церкви Святого Куниберта, Кельн, из альбома, составленного Ю. Лессингом (Gewebe-Sammlung 1900, Band 1, Taf. 15).

что детально отражено в отчетах экспедиции, с которыми, как утверждает А.А. Иерусалимская, она знакомилась, у нее возникло «немало методических вопросов», основанных на впечатлениях (с. 26). Отмечая, что «печальный факт ухода из жизни Е.И. Савченко делает неэтичным предъявление теперь каких-либо претензий к его работам» (с. 26), автор, тем не менее, не упускает возможности несколькими параграфами ранее намекнуть на недоброкачество работ Лабинского отряда. Особенно «ненавязчиво» это высказано в пассаже о вещах из Мощевой балки, поступивших в Эрмитаж от В.Н. Каминского: «В.Н. Каминский ежегодно «навещал» Мощевую Балку – главным образом после работ Новостроечной экспедиции..., находя в оставшихся после этих раскопок выбросах и отвалах незамеченные раскопщиками важнейшие предметы, которые по мере возможности также переправлялись мне в Эрмитаж» (с. 25). То есть читателю объясняют уровень работы экспедиции под руководством Е.И. Савченко как начальника отряда и И.С. Каменецкого как начальника экспедиции. В действительности же В.Н. Каминский не ездил собирать вещи из отвалов, оставленных после раскопок Лабинского отряда. Все три сезона он работал в составе этого отряда, а переданные им в Эрмитаж вещи были найдены в отвалах грабительских раскопок в годы, предшествовавшие работам московской экспедиции. Но дело здесь даже не в том, что описанная ситуация ложна, а в том, что придуманный А.А. Иерусалимской сценарий оказывается для нее приемлемым: профессиональный археолог регулярно ездит на место работ экспедиции и собирает в отвалах вещи, выброшенные при расчистке погребений; после этого найденные вещи он отдает не в экспедицию, где хранятся связанные с ними комплексы, а в другое учреждение. Неудивительно, что при таком отношении автора монографии к коллегам отсутствие контактов «между Москвой и Петербургом», о чем с деланным сожалением пишет А.А. Иерусалимская (с. 26), было закономерным⁶.

⁶ В контексте такого отношения А.А. Иерусалимской были даны и консультации американским коллегам. В середине 1990-х годов Музеем Метрополитен в Нью-Йорке были предложены для покупки кафтан и чулки, явно происходящие из погребения средневекового времени Северного Кавказа. До этого вещи были выставлены на аукционе

Знакомство с реальной историей изучения Мощевой балки ставит вопросы и в отношении источников и методики, послуживших А.А. Иерусалимской основанием для ряда заключений о погребальном обряде. Восемь (девять?) погребений из раскопок автора монографии и Е.А. Милованова, из которых лишь одно оказалось непо потревоженным, а остальные были в различной степени разрушены или ограблены (с. 66-81), и составили основу, на которой сделаны выводы о типах погребальных сооружений, сходстве/различии в положениях костяков по полу и возрасту, распределении инвентаря в погребениях. Выводы Е.И. Савченко, касающиеся этих же параметров и базирующиеся на существенно большем количестве материала (Савченко 1999, 128-132), во внимание не принимаются. Происходит это, вероятно, потому, что они отличаются от выводов автора монографии.

Еще одиннадцать погребальных комплексов А.А. Иерусалимская выделила из материалов Н.И. Воробьева – по шифрам на вещах, обозначающих, по ее предположению, «номер погребения или участка на террасе» (с. 18). То есть место находки вещей точно неизвестно, но комплексы скомпонованы, при этом указан и пол погребенного (с. 82-83). Искусственность такого выделения очевидна, особенно если учесть, что по данным самого Н.И. Воро-

в Германии, но куплены не были. Не зная других северокавказских памятников с хорошей сохранностью органики, кроме Мощевой балки, и не зная, что этот могильник раскопан по возможности полностью, было высказано предположение, что текстиль происходит именно оттуда. По словам Пруденс Харпер (в то время заведующей Отделом искусства Ближнего Востока), в своей переписке с сотрудниками музея А.А. Иерусалимская подтвердила Мощевую балку как наиболее вероятное место происхождения кафтана и чулок (Harper 2001, 83). Каким же образом вещи из Мощевой балки, по мысли А.А. Иерусалимской, через десять с лишним лет после окончания раскопок могли попасть на аукцион в Германию? Ведь ей было известно, что работы на памятнике закончены в 1982 г. и грабить там уже было нечего. Таким образом, подразумевается профессиональная нечистоплотность сотрудников экспедиции. Без фактов и доказательств ставится под сомнение честность и профессионализм археологов, копавших памятник. Анализировать такое поведение автора невозможно, поскольку это находится уже за гранью профессиональной этики. В данной монографии А.А. Иерусалимская умалчивает о своих предположениях относительно происхождения этого кафтана из Мощевой балки и пишет: «<...> у меня есть причины отнести эту находку к Нижне-Архызскому могильнику» (с. 221).

⁷ Из текста можно заключить, что погребения 5 и 5а А.А. Иерусалимская считает парным захоронением, но, судя по чертежам, это два разных погребения (ил. 9; ил. 53 б).

бьева, отраженным в «Отчете» МАЭ, им было обнаружено всего лишь три погребения (Отчет 1908, 16). Не соответствует и количество вещей, привезенных Н.И. Воробьевым, – 500 (Отчет 1908, 7) – количеству, указанному А.А. Иерусалимской – около 800 (с. 17). Сама А.А. Иерусалимская эту разницу в цифрах никак не объясняет. По-видимому, произошло смешение вещей из разных собраний уже в процессе их изучения. На это косвенно указывают и данные о «багаже китайского купца». В монографии А.А. Иерусалимская пишет, что все предметы комплекса «багажа» поступили из коллекции Н.И. Воробьева (с. 363), а в каталоге выставки «Кавказ на Шелковом пути» – из сборов Н.И. Веселовского 1901 г. (Иерусалимская 1992, 30). В контексте истории коллекций (как она представлена в монографии) в дополнительных объяснениях нуждается и утверждение автора о наличии в двух разных коллекциях фрагментов от одних и тех же сосудов – одного глиняного и двух стеклянных (С. 19). Ошибочно приписанными к одному комплексу оказались находки, сделанные в 1980-х годах – фрагменты лент с греческими надписями. В монографии два фрагмента представлены как части одной ленты, хотя и найденные в разное время В.Н. Каминским (с. 133). В действительности же только меньший фрагмент был подобран им в грабительском отвале и передан в Эрмитаж; больший же фрагмент, обнаруженный во время работ Лабинского отряда Северокавказской экспедиции, передали вместе с другими находками в Ставропольский музей. Этот факт был хорошо известен А.А. Иерусалимской, что и отражено в каталоге выставки 1996 г. в Мюнхене, вышедшем под ее редакцией (Jerusalimskaja, Vogtsorr 1996, 68). Однако в монографии 1996 г. уже и больший фрагмент шелковой ленты представлен А.А. Иерусалимской как находка В.Н. Каминского (Jerusalimskaja 1996, 251). В монографии же 2012 г. описание находки с неверным происхождением сопровождается еще и сожалениями автора по поводу передачи фрагмента в Ставропольский музей (с. 133). Новое прочтение греческих надписей и их анализ, предпринятые недавно А.Ю. Виноградовым, самостоятельно привели его к заключению о том, что данные фрагменты являются не обрывками одной ленты, а от-

носятся к двум разным лентам (Виноградов 2013). Но неверная информация об обстоятельствах находки, граничащая с сознательной фальсификацией, потребовала от ученого дополнительных усилий и времени для их правильной атрибуции.

Искажение информации другого рода – иллюстрация ткани со сценой охоты Бахрама Гура. По словам А.А. Иерусалимской, фрагменты ткани из Мощевой балки реконструированы на фоне шелка «кельнского образца той же ткани в цветной таблице Ю. Лессинга» (с. 122; ил. 57, 64). И у читателя, и у посетителей Эрмитажа, где изображение «кельнского образца» с размещенными на нем фрагментами шелка из Мощевой балки находится на постоянной выставке, не возникает сомнений, что перед ними репродукция ткани из церкви Святого Куниберта в Кельне. Сомнения появляются при сравнении изображений: на рис. 1 – шелк со сценой охоты Бахрама Гура из книги А. А. Иерусалимской (ил. 57), на рис. 2 – оригинал, на который А.А. Иерусалимская ссылается (Gewebe-Sammlung 1900, Band I, Taf. 15)⁸. Даже при беглом взгляде видно, что лубочное изображение, предложенное А.А. Иерусалимской, во многом отличается от оригинала. Однако это не мешает ей делать далеко идущие выводы, основанные на деталях именно предложенного ею «художественного произведения» и приспособленных к нему небольших фрагментов шелка. На фрагментах, по словам А.А. Иерусалимской, «представлен один и тот же сюжет» (с. 125), но отсутствие прорисовок не дает возможности это увидеть; к тому же, количество фрагментов на иллюстрации (ил. 57) явно не совпадает с их количеством, описанным в Приложении III (с. 122).

Так же «по мотивам», поверхностно, представлен и инвентарь могильника. В отличие от немецкой монографии автора, где отдельными приложениями даны списки вещей по категориям с указанием их параметров, в русскоязычной версии «Мощевой Балки» материал представлен выборочно. Поэтому невозможно согласиться с оценкой В.Б. Ковалевской и М.Н. Погребовой, представляющих, вслед за издателем (с. 4), монографию как

⁸ Из текста можно заключить, что погребения 5 и 5а А.А. Иерусалимская считает парным захоронением, но, судя по чертежам, это два разных погребения (ил. 9; ил. 53 б).

«полную и, можно сказать, исчерпывающую публикацию» памятника (Ковалевская, Погребова 2013, 169). Описания вещей (иногда весьма своеобразные⁹), при отсутствии единого формата даже для одной и той же категории, служат лишь иллюстрацией к обширным историческим реконструкциям автора, чрезвычайно часто фантастическим. Масштаб на многих рисунках вещей отсутствует, нет сводных таблиц различных типов инвентаря и прорисовок орнаментов, в том числе «свыше сорока пяти прежде не известных разновидностей текстильных узоров эпохи раннего средневековья» (с. 97; Ковалевская, Погребова 2013, 171), как, впрочем, и ранее известных. А «исчерпывающее представление о значении памятника и основных связанных с ним историко-культурных проблемах» (с. 173), вероятно, подразумевает и предложенную автором героико-романтическую версию происхождения населения, оставившего могильник Мощева балка, – алаано-адыгов (с. 234) – исторической общности, изобретенной А.А. Иерусалимской. В предыдущих публикациях автора алаано-адыги названы адыго-аланами (Иерусалимская 1992; Иерусалимская 1996). Объяснение такой модификации – сделана она для благозвучия или в контексте изменения историко-политических взглядов – автором не приводится.

Своеобразно подана информация о луках. Говоря о том, что публикация 1976 г. Е.А. Миловановым и А.А. Иерусалимской лука из Мощева балки была «первой опубликованной в научной литературе... находкой такого рода на Северном Кавказе», автор на той же странице указывает, что четырьмя десятилетиями раньше лук из этого могильника был опубликован А. Захаровым и В. Арндтом (с. 274,

примечание 1)¹⁰. Этот лук, по словам А.А. Иерусалимской, находился в коллекции Н.И. Веселовского, пропал во время бомбежки и известен ей по рисунку М.П. Грязнова (с. 274). По каким-то причинам сам рисунок М.П. Грязнова не приводится, хотя детали конструкции лука согласно этому рисунку описываются (с. 277, примечание 1). Не приводятся А.А. Иерусалимской и сведения о том, что по описанию В.В. Арндта, помимо лука из того же погребения происходят сабля, боевой топор, нож, колчан со стрелами тюркского типа, два гребня, два сосуда салтовского типа, деревянная чашка, берестяной короб и просверленный зуб медведя; часть этих вещей показана на той же фотографии, что и лук (Arndt 1935, 57, Abb. 25). При уверенности А.А. Иерусалимской в происхождении лука и, соответственно, данного комплекса из Мощева балки, в монографии отмечен только колчан (с. 282, примечание 3). Сабля же, детально описанная В.В. Арндтом и помещенная на фотографии, с приведенной в тексте аналогией, имеющей надежную дату (Arndt 1935, 56-57, Abb. 25), в монографии не упомянута вовсе. Более того, в разделе «Сабли» А.А. Иерусалимская пишет: «<...> пока не удастся выделить достаточное количество фактов, которые могли бы убедительно подтвердить их присутствие в погребениях... Существование сабель доказывают лишь крайне редкие находки железных гард» (с. 287). Но в таком случае или комплекс, опубликованный В.В. Арндтом, происходит из другого скального могильника, или сведения о саблях Мощева балки представлены в монографии в искаженном виде.

Приводя сведения о луке, А.А. Иерусалимская не забыла отметить якобы неверно указанное В.В. Арндтом место его находки – «Майкоп. Прикубанье». Но такой провенанс – результат неточного перевода А.А. Иерусалимской

⁹ Категория *Деревянные «весла»* описана следующим образом: «<...> Имеют короткую, слабо выделенную ручку и массивную нижнюю лопасть при общей длине 80-90 см. При известном общем сходстве с лодочным веслом такой предмет, разумеется, никак не мог выполнять подобные функции (к чему следует добавить и полную невозможность лодочного судоходства по горным речкам – типа Лабы). Хозяйственное же их назначение можно достаточно уверенно реконструировать. Так, например, в Осетии «веслом» сходного размера и формы помешивают кипящий в большом котле сыр при приготовлении традиционной пиши – “дыка”» (с. 342). По такому же принципу: «Это могло бы быть тем-то, но этим не является», – построен и ряд интерпретаций общего характера.

¹⁰ Ссылка на публикацию лука указана как «Zakharov, Arndt 1934. S. 27-30. Abb. 5» (с. 264, примечание 1). Правильная ссылка: Arndt 1935, S. 57. Abb. 25 (Zakharov, Arndt 1935). Возвращаясь к утверждению А.А. Иерусалимской о том, что до ее исследований древность материалов из Мощева балки «подвергалась сомнению, и их продолжали считать “этнографическими” сборами и датировали XVIII в.» (с. 99), любопытно отметить, что, цитируя в списке литературы публикацию А. Захарова и В. Арндта «Studia Levedica. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX Jh.» и связывая лук с погребением из этого могильника, А.А. Иерусалимская предпочитает не замечать дату, стоящую в названии работы.

текста В.В. Арндта: и в тексте, и в подписи под фотографией место находки значит как «Kubangebiet, Bezirk Maikop» (Arendt 1935, 57, Abb. 25), то есть «Кубанская область, Майкопский уезд», куда территориально и относилась Мощевая балка. Важные же сведения В.В. Арндта о том, что происхождение комплекса – скальное погребение – дано предположительно, и что, без сомнения, соответствовало записи в инвентарной книге, читателю не сообщаются. В то же время, именно отсутствие указания конкретного места находки описанного комплекса говорит о том, что при передаче Н.И. Веселовским в музей собранной им коллекции место находки вещей, по крайней мере части из них, было записано как «Кубанская область, Майкопский уезд»; Мощевая балка как вероятное место происхождения находок было определено сотрудниками музея значительно позднее. Такая общая атрибуция находок является дополнительным доводом в пользу предположения о том, что коллекция Н.И. Веселовского состояла из вещей, полученных им от местных жителей, ездивших раскапывать погребения могильника со всего уезда¹¹.

В качестве особого достижения в монографии представлено «явление символизации» – осознание автором того, что могильное сооружение имитировало жилище, что в погребение клали вещи ломанные, вышедшие из употребления, или части вещей, их замещавшие, и то, что сопровождавший умершего инвентарь символизировал определенные представления древнего населения. Так, А.А. Иерусалимская пишет: «<...> исследование погребального культа могильника Мощевая Балка позволило выявить целый ряд особенностей как в конструкции могильных сооружений, так и собственно в погребальном ритуале – прежде неизвестных. Среди них наиболее существенным представляется реконструированный процесс символизации погребального инвентаря... Перспективной для будущих исследований представляется и впервые поднятая здесь тема связи устройства могильных сооружений с жилым домостроительством: гипотетическая идея о восприятии могилы

как *дома мертвого*, воспроизводящего *дом живых*» (с. 65). Некоторые категории инвентаря из выделенного автором разряда символических описаны сначала в разделе «Погребальный культ. Явление символизации», а затем включены в раздел «Характеристика основного погребального инвентаря Мощевой Балки». При этом, если оригинальные интерпретации назначения вещей в могиле, высказанные при их первом описании, даются предположительно, например: «Тесло-мотыжка. Этот вид орудия труда, которым пользовались, в том числе и при устройстве погребального сооружения, являлся обязательным элементом могильного инвентаря (возможно, в первую очередь, именно по этой причине)» (с. 51), то при повторном изложении они уже перерастают в утверждение: «Тесла могли использоваться... в том числе для подтесывания стенок скальных ниш и каменных блоков при устройстве могильных сооружений (почему их присутствие почти в каждой могиле считалось обязательным)» (с. 260). Описывая вещи, представленные символически, автор приводит и соотношение подобных находок с полными экземплярами. Налицо явное преобладание ножен без ножей, древков стрел без наконечников и т.д. Однако при этом не учитывается, что основная масса материала происходит из сборов после грабительских раскопок, поэтому приведенная статистика в данном случае принята быть не может. Показательно, что единственный экземпляр железного тесла происходит из непогребенного погребения из раскопок самого автора (с. 51, рис. 39); в частично разграбленном погребении, докопанном В.Н. Каминским, наконечники стрел остались насаженными на древки, а нож – вложенным в ножны (Каминский 1982, 48). «Явление символизации» доведено А.А. Иерусалимской до абсурда. Предполагая, что удила и стремяна должны были быть частью погребального инвентаря, их отсутствие среди материалов Мощевой балки она объясняет тем, что в погребениях эти вещи все же присутствовали, но символически, так как «подобные изделия были слишком востребованы в жизни и слишком ценились, чтобы оставлять их в могиле» (с. 288). В то же время миниатюрная одежда, которую логично было бы причислить к замещающей реальную (и чему есть примеры), относится автором к

¹¹ О жителях станиц Псебайской и Новосвободной – участниках таких раскопок, с которыми удалось лично встретиться, писал в своем отчете А.А. Иессен (Иессен 1950, 14).

кукольной. На критику такой атрибуции немецкой исследовательницей Э. Кнауэр (по публикации книги А.А. Иерусалимской 1996 г.) было указано в рецензии З.В. Доде (Доде 2013, 648). Но это осталось незамеченным В.Б. Ковалевской и М.Н. Погребовой так же, как и ранее А.А. Иерусалимской. Автору монографии также не хватило мужества признать несостоятельность еще одного из своих достижений – отнесения большой группы тканей из Мощевой балки к согдийским шелкам. Группа «согдийских шелков занданечи» на протяжении десятилетий выделялась после прочтения Вальтером Хеннингом согдийской, как он считал, надписи на шелковой ткани из церкви в Юи. Заслуга пересмотра концепции шелков занданечи принадлежит коллеге А.А. Иерусалимской по Отделу Востока, выдающемуся ученому Б.И. Маршаку, наиболее развернуто показавшему несоответствие бытовавших в Согде шелков «шелкам занданечи» в своей статье 2006 г. (Marshak 2006). Сравнительный анализ согдийских тканей, проведенный Б.И. Маршаком по разным источникам, показал, что в рассматриваемое время шелка в Согде не производили, а ткани занданечи были хлопковыми, такими же, какими их знали и позднее; шелка же, определенные как занданечи, – не согдийского производства, а происходят из других центров (Маршак 2006). Детально обоснованные заключения Б.И. Маршака были приняты ведущими специалистами и вошли в энциклопедии (Mode 2009)¹². Однако А. А. Иерусалимская, игнорируя выводы Б.И. Маршака, темы существования шелков занданечи не касается вовсе и в разделе о согдийских тканях группу шелков из Мощевой балки по-прежнему определяет как шелка занданечи (с. 109-115); такую же атрибуцию она указывает и в описаниях шелков (с. 143-160).

¹² В своей статье Б.И. Маршак указал и на возможность иного прочтения надписи. Его работа возобновила интерес ученых к шелку из Юи и сохранившейся на нем надписи. Новые исследования лингвистов подтвердили беспочвенность отнесения тканей занданечи к шелковым тканям. Надпись оказалась не согдийской, а арабской. В отличие от частичной расшифровки Хеннинга, две строки текста следует читать не как «Длина 61 пядей занданечи...», а как «Принадлежит Абд аль-Рахману, начальнику, (приобретено) за тридцать восемь динаров без одной трети» (Sims-Williams, Khan 2012). Перевод расшифровки В. Хеннинга на русский русский язык цитируется по работе А.М. Беленицкого и И.Б. Бентович (Беленицкий, Бентович, 66).

Монография «Мощевая Балка», как уже указывалось, заявлена как «представляющая собой наиболее полную по информативности и анализу материалов публикацию», в которой «даются детальное описание всех погребальных находок и подробный анализ каждого найденного предмета» (с. 4). Тем не менее, в главе III о шелковых тканях автор сообщает, что публикация 300 образцов шелковых тканей была уже осуществлена ею в соответствии с принятыми международными нормами в монографии на немецком языке, вышедшей в 1996 г. В данной же книге на русском языке «детальный анализ каждой из этих тканей, на котором, собственно, и основывалась их атрибуция, пришлось, естественно, опустить» (с. 85). К этой главе дано «Приложение», где публикуются «образцы тканей из находок в Мощевой Балке», хранящиеся в Эрмитаже. Однако автор тут же предупреждает читателя, что «Приложение» «далеко не охватывает весь круг находок такого рода в Мощевой Балке» (с. 99), а группа шерстяных тканей дается с подзаголовком «Воспроизведения некоторых образцов с краткой аннотацией» (с. 141). Таким образом, даже ткани, научное изучение которых А.А. Иерусалимская ставит себе в заслугу, представлены в издании лишь выборочно. И в подтверждение этого читаем: «<...> публикация всех материалов Эрмитажа из М. Б. в упоминавшейся тут не раз моей монографии [Ierusalimskaia 1996] освобождает от необходимости приведения полного реестра с описанием каждого из предметов в той или иной группе» (с. 243). Налицо явное противоречие между заявлениями в анонсе книги (повторенными в рецензии В.Б. Ковалевской и М.Н. Погребовой) и ее реальным содержанием, также как и сознательное введение читателя в заблуждение – ведь оказывается, что монография 2012 года не является полной, исчерпывающей публикацией материалов Мощевой балки. Более того, постоянно подчеркивая фундаментальный характер своей немецкой монографии 1996 года, А.А. Иерусалимская столь же сознательно игнорирует наличие весьма критической на неё рецензии, опубликованной в 1999 году Гельмутом Ротом (Roth 1999); и этот факт уже отмечался исследователями (Виноградов 2013, 22).

Говоря о книге «Die Gräber der Moščevaja Balka», А.А. Иерусалимская подчеркивает, что публикуемая работа – не калька с немецкой публикации (с. 11). И это, действительно, так. В немецкой публикации на общем плане погребений, зафиксированных автором во время полевых работ, отмечено погребение 1а (Jerusalimskaja 1996, 135, fig. 1), а в русскоязычной публикации на плане его уже нет (ил. 9); объяснение этому не приводится, но, судя по описанию, погребение 1а превратилось в разрушенную гробницу с вещами из погребения 1, занесенными туда грызунами (с. 66). Выше уже отмечалось, что немецкий вариант книги снабжен приложениями со списком вещей. Помимо этого, немецкие издатели постарались представить материал в форме, более понятной для читателя – посуда и прорисовки орнамента организованы в таблицы, а не разбросаны по всей книге, как в русскоязычной версии.

В своей рецензии на немецкую публикацию Гельмут Рот отмечал среди технических огрех и обилие неверных ссылок, и несоответствие количества комплексов погребений и вещей с их описаниями, указанными в приложениях, и путаницу в каталожных указателях. В научном плане Г. Рот указал на слабую доказательную базу для датировок ряда вещей, непоследовательность в методике исследования тканей, а также выразил сомнения в правильности хронологических построений и обоснованности выделения северокавказского отрезка Шелкового пути (Roth 1999). Замечания эти столь существенны, что серьезный исследователь не вправе их игнорировать, как это делает А.А. Иерусалимская, вместо того чтобы полемизировать и отстаивать свою точку зрения. И как результат – монография 2012 года повторяет ошибки и недочеты работы 1996 г. Однако читатель не найдет ссылок на немецкую рецензию ни в тексте А.А. Иерусалимской, ни в списке литературы. Для неё эта рецензия не существует, так же, как не существуют и другие публикации, чьи выводы «неудобны».

Во «Введении» автор пишет, что «книга рассчитана в первую очередь на коллег», но

«будет большим счастьем», если её прочтут и «люди, далекие от археологии» (с. 13). В то же время, авторская специфика научного аппарата делает знакомство с книгой весьма затруднительным не только для любителей, но, полагаю, и для специалистов. Описывая ткани в «Приложении» к главе III, А.А. Иерусалимская советует читателям, далеким от текстильной тематики, «для лучшего понимания» технических терминов «обращаться по мере необходимости к работе: Иерусалимская А. А. Словарь текстильных терминов. СПб., 2005» (с. 120). Далее, при анализе ткани «с охотой Бахрама Гура» (с. 125) сообщается, что библиография на все приводимые аналогии и образцы шелка дана в её работах 1961 г., 1992 г. (обе на русском языке) и 1996 г. (на немецком языке). Таким образом, и неподготовленный читатель, и специалист, прежде чем открыть «наиболее полную по информативности и анализу материалов» монографию А.А. Иерусалимской, должен положить рядом практически все её предшествующие публикации и постоянно к ним обращаться. Представляется, что выполнить эту рекомендацию А.А. Иерусалимской если и под силу коллегам в Эрмитаже и специалистам в Москве, то потребует немало усилий и времени. А что делать тем, для кого предыдущие публикации автора недоступны, особенно изданная в Германии книга на немецком языке?

В заключение можно лишь констатировать, что монографию «Мощева Балка» неподготовленному (да впрочем, и подготовленному) читателю рекомендовать нельзя. Она может быть использована, пожалуй, лишь в качестве «пособия» для студентов, как пример разнообразных ошибок, недопустимых в научном исследовании; ошибок, обусловленных нарушением основных принципов профессиональной этики, отсутствием научной методики изучения и изложения материала. В своей критической рецензии З.В. Доде деликатно умолчала о полной несостоятельности монографии А.А. Иерусалимской. Вопрос же о причине появления положительной рецензии В.Б. Ковалевской и М.Н. Погребовой на такого рода работу, очевидно, риторический...

Библиография

- Беленицкий, Бентович 1961:** А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, Из истории азиатского шелкоткачества (К идентификации ткани «занданечи», СА 2, 1961, 66-78.
- Виноградов 2013:** А.Ю. Виноградов, Византийская лента протоспафария из Мощевой балки. В сб.: III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 27-29 мая 2013), Краснодар 2013, 21-24.
- Доде 2013:** З.В. Доде, «Иранский» кафтан Хосрова и «адыгская струя». Рец. На *(Иерусалимская А.А. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. Санкт-Петербург: ГЭ, 2012. 384 с.).* РАЕ 3, 2013, 642-653.
- Иерусалимская 1961:** А.А. Иерусалимская, Ткань с Бахрамом Гуром из могильника Мощевая Балка (Северный Кавказ). В сб.: Культура и искусство народов Востока 6, ТГЭ V, 40-50.
- Иерусалимская 1992:** А.А. Иерусалимская, Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки (Санкт-Петербург 1992).
- Иерусалимская 1967:** А.А. Иерусалимская, О Северокавказском «Шелковом пути» в раннем средневековье, СА 1, 1967, 55-78.
- Иерусалимская 2012:** А.А. Иерусалимская, Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути (Санкт-Петербург 2012).
- Иессен 1950:** А.А. Иессен, Отчет Кубанской экспедиции Государственного Эрмитажа 1950 г. Ф-1. Р-1. No 549.
- Каминский 1982:** В.Н. Каминский, О конструкции лука и стрел северокавказских аланов. КСИА 170, 1982, 48-51.
- Каталог 1935:** Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии. Государственный Эрмитаж (Ленинград 1935).
- Ковалевская, Погребова 2014:** В.Б. Ковалевская, М.Н. Погребова, Рец. на кн. Иерусалимская А.А. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на северокавказском шелковом пути. Санкт-Петербург, 2012. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, РА 3, 169-173.
- Мазурина 2002:** В.Н. Мазурина, Николай Иванович Воробьев – собиратель музыкальных инструментов Востока. В: Музыка Кунсткамеры: К 100-летию Санкт-Петербургского музея музыкальных инструментов: Материалы 1-й инструментовед. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 2002 г. (Санкт-Петербург 2002), 143-146.
- Митина 1956:** Н. Митина, Фрагмент шелковой ткани из Мощевой Балки. СГЭ X, 1956, 41-43.
- Нечаева и др. 1964:** Л.Г. Нечаева, Т.А. Попова, В.В. Федоров, Е.Е. Фрадкин, Археологическое собрание Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Академии наук СССР. 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Сборник МАЭ XXII, 1964, 151-168.
- Ольденбург 1911:** С. Ольденбург, Предисловие. В: Н. И. Воробьев. Описание собрания буддийских статуэток, приобретенных в Сиаме в 1906 г. Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук XII. (Санкт-Петербург 1911), i-ii.
- Отчет 1907:** Отчет о деятельности Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого за 1906 год (Санкт-Петербург 1907).
- Отчет 1908:** Отчет о деятельности Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого за 1907 год (Санкт-Петербург 1908).
- Отчет 1910:** Отчет о деятельности Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого за 1909 год (Санкт-Петербург 1910).
- Савченко 1999:** Е.И. Савченко, Мощевая Балка – узловой пункт Великого Шелкового пути на Северном Кавказе. РА 1, 125-141.
- Тихонов 2014:** И.Л. Тихонов, Археология в Этнографическом музее Академии наук в XIX - начале XX в. В сб.: (отв. ред. Г.А. Хлопачев) История археологического собрания МАЭ. Верхний палеолит. Свод археологических источников Кунсткамеры 4 (Санкт-Петербург 2014), 5-77.
- Тревер 1959:** К.В. Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. - VII в. н.э. (Москва 1959).
- Фелицын 1882:** Е.Д. Фелицын, Археологическая карта Кубанской области. В 20-ти верстном масштабе. Издание Императ. Московского археологического Общества (Москва 1882).
- Яковлев 1911:** П.С. Яковлев, Памятная книжка Императорского Археологического института в С.-Петербурге, 1878-1911 г. (Санкт-Петербург 1911).

- Arendt 1935:** W.W. Arendt, Türkische Säbel aus den VIII-IX. Jahrhunderten. In: A. Zakharov, W. Arendt. *Studia Levedica. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Archaeologia Hungarica XVI*, 48-68.
- Gewebe-Sammlung 1900:** Die Gewebe-Sammlung des K. Kunstgewerbe-Museums (hrsg. von Julius Lessing). Band I (Berlin 1900).
- Harper 2001:** O. Harper, A Man's Caftan and Leggings from the North Caucasus of the Eighth to Tenth Century: Introduction. *MMJ* 36, 83-84.
- Ierusalimskaja 1996:** A.A. Ierusalimskaja, Die Gräber der Moščevaja Balka. Frühmittelalterliche Funde an der nordkaukasischen Seidenstrasse (München 1996).
- Ierusalimskaja, Borkopp 1996:** A.A. Ierusalimskaja, B. Borkopp, Von China nach Byzanz. Frühmittelalterliche Seiden aus der Staatlichen Ermitage. Sankt Petersburg (München 1996).
- Knauer 2001:** E.R. Knauer, A Man's caftan and leggings from the North Caucasus of the eight to tenth century: A genealogical study. *MMJ* 36, 2001, 125-154.
- Mode 2009:** Mode, Sogdiana vi. Sogdian art. In: *Encyclopaedia Iranica*, <http://www.iranicaonline.org/articles/sogdiana-vi-sogdian-art>
- Marshak 2006:** B. Marshak, The so-called Zandaniji Silks: Comparison with the art of Sogdia. In: (Ed. R. Schorta) *Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Riggisberger Berichte* 9, 2006, 49-60.
- Roth 1999:** H. Roth, Rez. zu: Anna A. Ierusalimskaja, Die Gräber der Moščevaja Balka. Frühmittelalterliche Funde an der nordkaukasischen Seidenstraße (München 1996). *Byzantinische Zeitschrift* 97/2, 1999, 523-529.
- Talbot 1936:** D. Rice Talbot, The Third Archaeological Congress and exhibition of Iranian art and archaeology, Leningrad, 1935, *Ars Islamica* 3 (1), 1936, 99-111.
- Sims-Williams, Khan 2012:** N. Sims-Williams, G. Khan, Zandaniji Misidentified. *Bulletin of the Asia Institute* new ser. 22, 2012, 207-213.

Etica profesională și subiectivismul: despre o monografie și două recenzii

Rezumat

Articolul este consacrat monografiei A.A. Ierusalimskaja „Moshchevaia Balka. Un monument arheologic deosebit de pe Drumul mătăsii din Caucazul de Nord” și a două recenzii, care tratează diametral opus importanța științifică a acestei monografii. Printr-un șir de exemple este demonstrat că, în pofida observațiilor cu caracter științific și tehnic, făcute la publicațiile anterioare, lucrarea A.A. Ierusalimskaja „excelează” printr-o insuficientă cunoaștere a izvoarelor (literatura publicată și materialele de arhivă), denaturarea datelor istoriografice și a informației despre complexele arheologice.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Fragmente de stofă de la Moshchevaia Balka pe fonul „mostrei de la Köln din tabelul color al Ju. Lessing”, după A.A. Ierusalimskaja (Иерусалимская 2012, 122, ил. 57).

Fig. 2. Fragment de mătase din biserica St. Kunibert din Köln, din albumul alcătuit de Ju. Lessing (Gewebe-Sammlung 1900, Band 1, Taf. 15).

Professional ethics and subjectivity: one monograph and two reviews

Abstract

This article discusses a monograph by A.A. Ierusalimskaja “Moshchevaia Balka. An Unusual Archaeological Site on the North Caucasian Silk Road” and two reviews on it that express diametrically opposing views about its scholarly contribution. In a number of examples the article shows that with a complete disregard for the critiques of her previous publications on a range of issues, A.A. Ierusalimskaja in this work demonstrates a lack of familiarity with both published and archival sources; purposely misrepresents the history of the study of Moshchevaia Balka, and falsifies (in some cases clearly deliberately) information about archaeological assemblages.

List of illustrations:

Fig. 1. Silk fragments from Moshchevaia Balka attached to the “Cologne sample in a color plate by J. Lessing”, after A.A. Ierusalimskaja (Иерусалимская 2012, 122, ил. 57).

Fig. 2. A fragment of silk from the Church of St Kunibert, Cologne, after J. Lessing (Gewebe-Sammlung 1900, Band 1, Taf. 15).

15.05.2015

